

«Еврейские» папки

Таллинн

Отрывок из книги Антона Вейсс-Вендта

«Убийство без ненависти»

Издание Syracuse University Press, 2009

Перевод с английского Рут Брашинской.

В Эстонском государственном архиве в Таллинне хранится большая коллекция следственных материалов полиции. Из почти четырех тысяч дел немногим более четырехсот касаются евреев. Принимая во внимание, что число евреев, оставшихся в Эстонии (во время немецкой оккупации), не превышало одной тысячи, сохранившиеся четыреста дел можно считать достаточно репрезентативными для выводов. Следственные дела содержат в себе атрибуты законного расследования и включают следующее: ордера на арест, протоколы допросов, показания свидетелей, приговоры и иногда переписку между инстанциями. Сохранились некоторые ордера на обыск и протоколы обысков, переписка с родственниками, редко – ходатайства заступников, а в нескольких делах – приказы об уничтожении и свидетельства о смерти. По объему дела отличаются от одной страницы до сорока, в среднем – 6 страниц. Обычно единственным документом в деле на немецком языке является решение Харьюской префектуры полиции, под чьей юрисдикцией находилось большинство эстонских евреев в августе и сентябре 1941 г.

Трудно переоценить значение следственных материалов полиции. О Холокосте в Восточной Европе обычно говорят или с точки зрения преступников, или – оставшихся в живых. Сам термин «оставшийся в живых» подразумевает, что большинство тех, кто был избран жертвами, погибли. Все, что осталось от миллионов погибших – это часто статистика – даты, цифры, имена – а иногда даже нет и этого. Очень мало свидетелей, исключая самих преступников, которые могли бы рассказать, как целые еврейские общины стали безымянными жертвами. Следственные материалы эстонской полиции безопасности могут нам помочь превратить абстрактное знание в рассказ, основанный на фактах, придать смерти человеческое лицо. Некоторые евреи, детали ареста которых отражены в делах, были расстреляны уже на следующий день. Как будто мертвые мужчины, женщины и даже дети хотят, чтобы мы знали о них.

Аресты

Похоже, что сначала политика в отношении евреев Эстонии не была определена. Например, София Исатчик была арестована 29 августа 1941 г. и освобождена в тот же день. К 7.30 вечера местные полицейские изменили свое решение и доставили Исатчик обратно в полицейский участок. Аресты обычно производились или членами Омакайтсе, или эстонской полицией безопасности по имевшемуся у них списку адресов. Так было в случае с Якобом Эпштейном, уроженцем Таллинна, который пошел 30 августа навестить своих братьев. Несколько членов Омакайтсе арестовали Якоба и его брата Давида. В этот же день при похожих обстоятельствах был арестован Эфраим Олей. В Нарве члены Омакайтсе ходили от дома к дому со списком имен – всего 179 человек, заготовленным заранее. На полях списка рукой приписано, что случилось с тем или иным конкретным евреем. Читая эти приписки, можно понять, что большинство нарвских евреев бежали из города: «Уехал в Советский Союз», «не найден в доме», «жильцы ничего не знают», «Исчез со всей семьей», «комната пуста». Однако некоторые пожилые евреи остались: Ольга Горфинкель – «найдена»; Мозес Хацкелевич – «взят»; Фанни Ушаров – «была здесь»; семья Цымбаловых – «предупредили дворника». В Таллинне члены Омакайтсе искали Рафаэля Голдмана. 15 октября один из членов Омакайтсе неожиданно посетил место работы Голдмана. В кармане его комбинезона была найдена записка, подтверждавшая, что Голдман эвакуировался в Россию.

Имена наиболее известных в Эстонии евреев-коммунистов были занесены в список, составленный главным управлением имперской безопасности (*Reichssicherheitshauptamt*) еще до вторжения в Советский Союз. Более чем за месяц до решающей битвы за Таллинн гестапо подготовило список людей, которых следовало задержать в городе. Семь человек из этого списка были евреями, в их числе Леонид Айзенштадт и Виктор Фейгин, названные «главный эстонский еврей» и «шеф НКВД в Таллинне» соответственно. Все эти люди бежали до прихода наступающих немецких войск. Даже позже во время войны нацисты и их эстонские приспешники не оставляли надежды найти этих людей. Так, в сентябре 1942 г. эстонская полиция безопасности предписала своим подразделениям начать допрашивать этнических эстонцев, вернувшихся из России, не имеют ли они какой-либо информации об определенных коммунистах, бывших членах советских истребительных батальонов и об эстонских евреях.

Иногда евреев обнаруживали случайно, например, во время рутинных полицейских проверок. В 2 часа дня 16 сентября полицейский 6-го отделения полиции Таллинна проверял жильцов дома № 5 на ул. Карья. В одной из квартир он обнаружил Иоссея Абрамсона, которого он доставил в отделение как «еврея, враждебного по отношению к существующему режиму». Через 4 дня тот же полицейский обнаружил еще одного еврея, Гершона Герценберга, жившего в доме № 12 по ул. Виру. Находясь на службе, полицейский 3-го отделения полиции заметил проходящего по ул. Лембиту человека, показавшегося ему евреем. Полицейский приказал незнакомцу, которого звали Мейер Певзнер, следовать за ним. Некоторые люди заявляли, что видели развешенные призывы

к населению сообщать об известных им местах проживания евреев. Одно из таких объявлений, например, видели в начале сентября в старом Таллинне, на углу площади Свободы и ул. Харью. Остается не ясным, однако, какое конкретно учреждение распространяло эти призывы.

Одной из самых драматичных была история ареста Баси Майофис. Однажды днем в середине сентября 50-летняя женщина зашла в столовую при мастерской в Таллинне. Она стала спрашивать у офицера-эсэсовца о Георге Цитовиче, который работал там слесарем и переводчиком. Когда поинтересовались, что она хочет и не еврейка ли она, женщина попыталась уйти. Немец побежал за ней и стал ее допрашивать. Сначала она отрицала свое еврейство, а потом призналась: да, она действительно еврейка. Бася Майофис объяснила причину, по которой она разыскивает Цитовича. Ее младший сын был в мае арестован советскими властями; ее старший сын и муж тоже находились в тюрьме. Ей стало известно, что Георга Цитовича и его отца выпустили из тюрьмы, и она хотела узнать, не знает ли он о судьбе ее близких. «Твоего сына казнили», - буркнул офицер и приказал убитой горем женщине убираться. На следующий день ее арестовали дома. Удивительно, что за несколько дней до своего ареста Бася Майофис послала жалобу о конфискованном у нее имуществе в местную полицию и немецкую полицию безопасности. Она узнала в немецком офицере, которого встретила в мастерской, человека, который вместе с Георгом Цитовичем 4 сентября погрузили ее одежду и постельное белье на грузовик и уехали. Эстонская полиция безопасности была осведомлена о том, что произошло с родными Баси Майофис. Арест ее сына Мордхе произошел при очень необычных обстоятельствах. Днем 31 августа, в 2.30 в 3-е отделение полиции Таллинна вошел молодой человек и заявил опешившему полицейскому, что он – еврей, поэтому он подлежит аресту. Муж Баси Майофис, Лейб, был, очевидно, жертвой доноса. Кто-то сообщил полиции, что он скрывается в квартире дома № 29 по ул. Лембиту. Полицейский Адександр Пуппарт решил арестовать Лейба Майофиса и доставить его в Таллиннскую центральную тюрьму, где его сын содержался в заключении с 1 сентября.

Около 15 евреев-мужчин попали в руки полиции безопасности при особых обстоятельствах. В отчаянной попытке выбраться из Таллинна, советские власти 21 и 22 августа погрузили большую группу мобилизованных в армию мужчин на корабль, направлявшийся в Ленинград. Однако прямое попадание немецкого бомбардировщика заставило корабль, который по иронии судьбы назывался “Eestirand” («Эстонский берег»), повернуть к берегу. Когда мобилизованные выгрузились с корабля на остров Прангли, они были задержаны членами Омакайтсе и переправлены обратно в Таллинн. Некоторые из них, однако, добрались до Таллинна самостоятельно. Они оказались в незнакомой обстановке оккупированного немцами города. Еврей Шапсе Перманд, например, не придумал ничего лучшего, как вступить в местную пожарную команду. 9 сентября его арестовали. Среди около 3.200 мужчин на борту “Eestirand”а был Оскар Парвей. Так как он был этническим эстонцем, его отпустили. Чтобы сделать менее значительным факт его мобилизации в Красную Армию, Парвей поступил в эстонскую полицию безопасности в Нымме, богатом пригороде Таллинна. В сентябре и октябре Парвей лично арестовал 15

человек, в том числе 50-летнюю еврейку – все они были обвинены в сотрудничестве с коммунистами. Общее число евреев, арестованных в Нымме в течение тех двух месяцев, было близко к 30. Карманный вор Иозеф Изерович был одним из них. Он был пойман на месте преступления. И хотя слово «еврей» в его деле упоминалось, следствие охарактеризовало Изеровича, в основном, как «обычного уголовника». Смертный приговор Изеровичу был приведен в исполнение 5 октября.

Как известно, эстонские евреи жили, в основном, в городах. Однако Лео Клаус поселился в деревне недалеко от г. Пайде. Во время коммунистического восстания в декабре 1924 г. он служил унтер-офицером в комендатуре Таллинна. Ему тогда был 21 год, и он был членом отряда, приводившего в исполнение смертные приговоры. Через 3 года он женился на женщине из деревни и переехал с ней в Лехтсе в центральной Эстонии. Там Клаус стал мясником. В начале октября 1941 г. семью Клаусов посетил неожиданный визитер, местный полицейский, который тщательно переписал все их имущество, не объясняя причин. Приблизительно через 3 недели полицейский вернулся снова. Не говоря ни слова, он снова пересчитал принадлежащие Клаусам вещи, сложил их в шкаф и запечатал его. Только тогда полицейский объявил, что Клаус и его дочь подлежат аресту по приказу коменданта Ярвамааского отделения полиции. Из Лехтсе Клаусов сначала направили в Пайде, а затем – в Таллинн.

Некоторые евреи сознательно искали убежище в сельской местности. Часто это было спонтанным решением, как в случае Коппеля Козловского. Ему удалось скрыться благодаря помощи эстонцев, у которых были родные и друзья в сельской местности. До своего назначения в советское время начальником отдела в Министерстве государственного контроля, Козловский работал слесарем. В последние дни августа он был в рядах рабочей милиции, участвовал в боях с основными войсками немцев на окраинах Таллинна. Утром 31 августа Козловский пришел в квартиру своей подруги, Хильи Андерсон, в Таллинне. Он предложил ей вместе уйти из города. Они решили поехать на велосипедах на юг, в сторону Тюри, где жили ее родные. К вечеру 1 сентября они добрались до уезда Ярваканди, не доехав всего 10 миль до места назначения. Их арестовал патруль Омакайтсе как подозрительных личностей. Молодой человек отрицал свою связь с коммунистическими организациями, но его подруга не выдержала нажима и показала на допросе, что Козловский был членом профсоюза рабочих-металлистов и комсомола.

Две молодые еврейки были спасены благодаря своим мужьям, не евреям. Как только немецкая армия вступила в Эстонию, русский муж Елены Емельяновой отвез ее в деревню. Следующие 3 года Емельянова провела на ферме эстонцев недалеко от Кейла-Йоа. Это убежище было бы невозможным, однако, если бы друг мужа в регистрационном бюро не уничтожил в нужных документах все ссылки на ее национальность. Помощь людей и немного удачи позволили и Брохе Ролаан пережить войну. Весной 1941 г. она отправилась в отпуск в уезд Люганузе, где у ее свекров была ферма. Там жили только трое пожилых людей, что повысило шансы Ролаан выжить. В течение всей войны она не выходила

днем из дома. Даже тогда все могло закончиться трагично. В августе 1944 г. дальний родственник Ролаанов. Бертрам Нейтсофф, служивший в Кивийлиском отделении эстонской полиции безопасности, уведомил Брохе, что кто-то выдал ее еврейское происхождение, но он уничтожил донос. Это одно из немногих известных упоминаний об эстонцах, участвовавших в попытках спасения евреев. Большую известность получило дело профессора лингвистики Тартусского университета Уку Мазинга и его жены Эхи. Супруги спасли жизнь Исидора Левина, одного из учеников Мазинга. Они не только прятали молодого человека, но и снабдили его фальшивыми документами, благодаря чему он отказался от мыслей о самоубийстве.

В первые 3-5 дней после захвата Таллинна немцами полиция постоянно ссылалась на приказ вермахта, ограничивавший свободное передвижение евреев-мужчин. В делах отдельных личностей, как, например, Беньямина Патова, полицейские иногда отмечали, что как еврей он представляет собой угрозу обществу и поэтому должен быть изолирован. 14 сентября военные власти подтвердили предыдущий приказ вермахта, но теперь уточнили, что все евреи в течение суток должны покинуть прибрежную зону. Когда появился этот приказ, Давид Гинзбург и другие евреи заявили, что они ничего не знали о распоряжении покинуть прибрежную зону. На этот раз, однако, полицейские ходили по домам и говорили евреям, чтобы они переезжали за 10-километровую зону вокруг Таллинна. Несмотря на этот приказ, Дебора Альперович и Петр Абрахам объясняли, что они не уехали вовремя, потому что они слышали, что последний срок переезда продлили. Другие евреи, однако, подчинились приказу и немедленно покинули город.

К сожалению, очень немногие евреи знали людей в сельской местности, у которых они могли бы спрятаться. Семья Аронович-Янкель – отец, мать и двое их детей – отправились на хутор в уезде Тывда, где они пробыли несколько недель. Потом семья переехала на другой хутор в Киисалу, принадлежавший Иоганнесу Леппу. Там Аронович-Янкель провели еще 2 месяца, пока они, в конце концов, не были арестованы 8 декабря 1941 г. Всего около 20 человек были арестованы по приказу вермахта.

Обвинения

Ордера на арест почти всегда содержали слово «еврей». Национальная принадлежность евреев сама по себе являлась основанием для ареста. Однако только половина судебных решений имели ссылки на национальную принадлежность подсудимых. Евреев сажали в тюрьму как симпатизирующих коммунистам, или, по крайней мере, как лиц, опасных новому режиму. Эта несовместимость между намерениями и методами исполнения очень важна для объяснения образа мышления тех, кто приговаривал евреев к смерти. Чтобы понять это, надо смотреть дальше протоколов допросов и показаний свидетелей. Поражает то, что в этих протоколах немцы почти не упоминаются. Читая материалы допросов, создается впечатление, что эстонцы и евреи

решают спор относительно верности или неверности евреев эстонскому государству. И хотя обвиняемые были действительно арестованы потому, что они были евреями, им надо было доказывать, что они не имеют ничего против эстонцев. Быть частью советской системы соответствовало признанию вины. Поэтому следователи тратили много времени на то, чтобы установить связь между евреями и советским режимом. Трагедия состояла в том, что евреи не знали, что они обречены, и поэтому предпринимали энергичные попытки отделиться от всего коммунистического, а иногда даже и от тех, с кем были одной веры и национальности.

Судя по ответам евреев, следователи выработали стандартный вопросник относительно инкриминируемого им сотрудничества в советских организациях. Например, ответ 67-летнего Иоссея Абрамсона в сентябре 1941 г. был почти идентичен с ответом 32-летней Беллы Клецки в апреле 1942 г.:

Я не принимал участия в коммунистической пропаганде и не принадлежал к большевистским организациям. Я никого не обвиняю; я не принимал участия в депортации эстонцев в Россию. Я не был членом истребительного батальона или рабочей милиции, а также не был агентом НКВД. Когда немецкие войска захватили Таллинн, я не прятал коммунистов и не знаю никого, кто бы делал это. Я не планировал террористических актов и/или актов саботажа. Коммунисты также не обучали меня заниматься анти-немецкой деятельностью. Мне не выдали оружие, и у меня его никогда не было. Мне нечего больше добавить.

Другому подозреваемому в коммунизме, Симону Рубинштейну, вообще не задавали вопросов. 84-летний старик не мог писать; на самом деле, ему нужна была медицинская помощь для передвижения. Это обнаружил полицейский, когда пришел арестовывать Рубинштейна 19 сентября. Среди арестованных евреев были и те, кто поддался иудео-большевистским стереотипам. Ханна Брин, 68-летняя женщина, зарабатывавшая на жизнь уроками музыки, сказала следователю, что она не одобряет коммунизм, несмотря на то, что она еврейка. Точно то же самое сказала на допросе и Эстер Якобсон. Мирон Бродский заявил, что он не сделал ничего плохого. Он, будучи евреем, выражал проэстонские чувства. Другой арестованный, Исаак Фрейдин, даже подтвердил свою уверенность, как и многие эстонцы, в существовании русско-еврейского заговора. Фрейдин сказал, что сам он в депортации или поджогах не участвовал, но слышал, что виноваты в них русские и евреи. Фрейдин все равно был приговорен к смерти как коммунист.

Некоторые евреи были довольно наивны в своих попытках откеститься от связей с советскими. Хайн Герцфельдт, например, после того, как советские власти национализировали его бизнес, умышленно отказывался от предлагаемой ему работы, что считалось саботажем. Эли Хаитин объяснил, что его родственники добровольно уехали в Россию, потому что они боялись стрельбы. Якоб Бам, наоборот, сообщил, что он запретил своей семье эвакуироваться в Россию, т.к. он хотел остаться в Эстонии. Баму не удалось опровергнуть выдвинутое против него обвинение: предательство эстонского народа. Рубин Рахельщик сказал, что его единственной возможностью остаться в Эстонии было добровольное вступление в ряды Красной Армии.

Еще во многих случаях причиной ареста евреев были ссылки на их враждебное отношение к эстонцам. Рядом с именем Хирша Баллака было, например, написано следующее: «Х.Б. – еврей, и т.к. евреи ненавидят эстонский народ, его надо тоже арестовать». Абрам Эйб Басс совершил «разрушительное преступление», т.к. участвовал во «враждебных действиях против эстонского народа». Маркус Дубровкин был музыкантом в разных местах сомнительной репутации. Этого было достаточно для полиции безопасности, чтобы обвинить его в «предательстве эстонского народа». Евреи соревновались между собой, подчеркивая услуги, которые они оказывали независимому эстонскому государству. Факт, что Давид Гинзбург был евреем, автоматически привел его в категорию социально опасных элементов. В свою защиту Гинзбург сказал, что он не занимался политикой. Напротив, он всегда очень уважал эстонское правительство и государственные законы. Согласно протоколу допроса, Мозес Блехман не боролся и не мог бороться против немцев в составе истребительного батальона из-за преклонного возраста; это спасло Блехмана от советской мобилизации. Следствие установило, что он принимал участие в войне за освобождение, всегда уважал эстонское государство, в 1918 г. служил в Кайтселийт. Хотя Гершон Герценберг и не был членом Кайтселийта, он регулярно поддерживал его деньгами. Даже один этот факт, утверждал Герценберг, демонстрировал его антикоммунистические настроения. Не способный осмыслить, что происходит, Элиас Хофф предложил, чтобы следствие пригласило свидетелей, которые подтвердили бы, что он, Хофф, добровольно участвовал в войне за национальное освобождение. Иозеф Гиршкович был арестован как еврей, проявлявший враждебность по отношению к эстонскому народу во время советского правления; Гиршкович утверждал, что никто никогда и не пытался привлечь его к коммунистической деятельности. Как доказательство Гиршкович упомянул медаль, которую он получил как боец в освободительной войне. Дело Готтфрида Фирка было еще убедительнее, чем его проэстонские взгляды. Он не только воевал на эстонской стороне во время войны за национальное освобождение, он также стал членом радикальной правой организации Вапс. На самом деле Фирк был одним из первых ветеранов войны, вступивших в Вапс, у него был членский билет №6. 68-летняя Женни Кацев не воевала на фронте, но у нее был тщательно спрятанный эстонский флаг, который она с гордостью вывесила, как только советские войска отступили. Среди казненных было, по меньшей мере, 14 евреев, участников эстонской войны за национальное освобождение, 1918-20 гг.

В нескольких случаях арестованные пытались снять с себя подозрения в сотрудничестве с коммунистами, сваливая вину на других евреев. Лазарь Гершанович упомянул имена полицейского Самюэля Козловского, директора «Эстонского шелка» Лео Эпштейна и брата Эпштейна, руководителя отдела снабжения НКВД. Родители Гарри Ицковича были депортированы советскими властями. Он, как и несколько других евреев, доказывал, что его изгнали из общины, потому что он хотел жениться на эстонке. Он также заявил, что был антикоммунистом. Чтобы придать больше веса своим словам, Ицкович сообщил полиции имена евреев, служивших в истребительных батальонах и НКВД. Во время допроса Мозес Гольдштейн назвал имена двух евреев – членов

коммунистической партии. Гершанович и Гольдштейн были оба пожилыми людьми, тогда как Валентине Кломпус было только 23 года, когда ее арестовали. Когда Кломпус сказала эстонской полиции безопасности, что она знает только двух коммунистов-евреев – Леонида Айзенштадта и того же Эпштейна – она не ожидала для себя награды. Вот что эта отважная молодая женщина сказала допрашивающему ее следователю: «как еврейка я против нацизма и фашизма, т.к. фашизм проповедует ненависть к евреям». Это - единственный известный случай, когда заключенный-еврей, более того – женщина, посмела выразить свои убеждения прямо в лицо схватившим ее.

Не следует оценивать как предательство случаи, когда люди, оказавшиеся в опасных для жизни ситуациях, называли тех, кто принимал участие в деятельности коммунистов. В конце концов, имена Айзенштадта и Эпштейна, наряду с их связью с коммунистами были широко известны. Оба они вместе с другими высшими советскими чиновниками бежали в Россию и поэтому были недоступны нацистам и их эстонским приспешникам. Эстонская полиция безопасности не смогла установить вину евреев не потому, что не хватало доказательств против них, а просто потому, что в ее руках оказались не те люди. Обыски в квартирах владельца мыловарни Бендета Глюкмана и ученого Юлиуса Грюнберга не обнаружили политических материалов. Во многих случаях полиция была вынуждена изменять начальные обвинения против евреев из-за отсутствия инкриминирующих улик. Например, Соломона Эпштейна арестовали как еврея, который мог быть потенциальной угрозой обществу, если бы его оставили на свободе. Следствие не сумело установить роль Эпштейна в коммунистическом движении. Несмотря на это, он был оставлен в заключении как социально опасный элемент. Более чем недвусмысленными были попытки сфабриковать иудео-большевистские связи в деле Анны Маркушевич. Эта 21-летняя студентка из Ленинграда оказалась пациенткой нарвской больницы. У нее не было документов, но хотя она и числилась русской, выглядела она как еврейка. Полицейские настаивали на том, что Маркушевич, еврейка, призывала других пациентов больницы праздновать годовщину большевистской революции. Никто другой в больнице не знал об этом. Маркушевич большую часть дня юбилея провела в постели, она спала и почти не разговаривала с другими пациентами. Сотрудники больницы отрицали, что какие бы то ни было политические манифестации когда-либо проводились конкретно в этом отделении и в больнице в целом. Как только Маркушевич выписали из больницы, ее бросили в тюрьму, обвинив в подрывной деятельности против нового режима.

Среди сотен дел, заведенных эстонской полицией безопасности против евреев, было не больше четырех или пяти случаев, когда «подсудимые» признали (если не оговорили себя) хотя бы факт их членства в какой-нибудь советской организации. Даже тогда это было виной по ассоциации. Участие в репрессиях, которые народная молва приписывала евреям, ни разу не упоминается в следственных делах. Например, Гессель Аронович был обвинен в том, что служил в одном из печально известных истребительных батальонов. Один из свидетелей, Юхан Элмест, дал показания, что видел Ароновича в советской форме и с оружием. Когда его попросили уточнить, в каких частях служил

Аронович – в истребительном батальоне или рабочей милиции, свидетель ничего точно сказать не мог. В то же время, Элмест признал, что не знает, принимал ли обвиняемый участие в зверствах. И хотя Аронович признал, что служил в Первом таллинском рабочем полку, он доказывал, что служба в нем была просто способом избежать общей мобилизации. Протокол следствия заканчивает дело следующими словами: «Аронович добровольно вступил в рабочий полк, и он является этническим евреем». 22-летний Гессель Аронович был затем обвинен в подрывной деятельности и помещен в Таллинскую центральную тюрьму. Исаак Лопавок тоже служил в рабочем полку. В отличие от Ароновича, однако, Лопавока заставили вступить в полк. Якоб Колектор был еще одним человеком, чей арест был основан, хотя бы частично, на реальных обвинениях. С сентября 1940 г. Колектор работал полицейским. После захвата Таллинна немецкими войсками в августе 1941 г. Колектор прятался 6 дней, пока его 9 сентября не опознали и арестовали члены Омакайтсе Нымме. Как и во многих других подобных случаях, у полиции не было доказательств, что обвиняемый когда-нибудь злоупотреблял властью. Единственным официальным обвинением против Колектора было участие в вооруженной борьбе против немецкой армии. Несмотря на то, что Давид Левин не упомянул своей службы в истребительном батальоне, он дал следствию достаточно информации, чтобы осудить его как закоренелого коммуниста. Наряду со своими прямыми обязанностями на прядильной фабрике «Коммунар» в Таллинне, Левин также нес караульную службу (с середины июля). Одним из его заданий была конфискация радиоприемников и оружия у населения. Левин и несколько его коллег оказались в южной Эстонии, в Пярну-Яагупи, оказывая сопротивление регулярным немецким войскам. Более того, Левин был еще и членом комсомола. Следует отметить, что он объяснял свое вступление в комсомол только желанием получить лучшую должность на работе. Рубин Рахельщик признался, что он действительно был агентом НКВД. По его словам, он согласился работать на НКВД под давлением. Если он на кого-нибудь когда-нибудь и доносил, то только на политкомиссаров и советских военных командиров. Когда полиция была не способна доказать какие бы то ни было политические обвинения, она пыталась приписать евреям уголовщину. Доктора Кренчинского и его жену Розу обвинила в том, что они обокрали аптеку в Аегвииду. Чтобы отыскать украденное, полиция Нымме провела обыск квартиры Кренчинских. Не удивительно, что обыск не дал результатов.

Среди людей, способствовавших распространению советов в Эстонии, была только горстка евреев. Как следует из предыдущего параграфа, в Эстонии осталась только мелкая рыбешка. Большинство евреев, включая тех немногих, кто имел основания опасаться за свою жизнь, своевременно уехали в Россию. Аркадий Лури ясно сказал на своем допросе: "Если бы я имел что-нибудь против текущего режима, я бы уехал". Все знали о малом числе евреев, сотрудничавших с советским режимом, однако, эстонская полиция безопасности заявляла обратное. Например, нарвская полиция безопасности представила следующую статистику относительно активности коммунистов в этом городе: из 3.424 человек, подозреваемых в коммунистической деятельности, 55 были евреями (38 мужчин и 17 женщин), что составило 1,6% от общего числа. Это – огромная цифра, принимая во внимание, что в Нарве перед Второй мировой

войной жили всего 173 еврея. В то же время, полиция безопасности рапортовала о 32 казнях нарвских евреев между августом 1941 и июлем 1942 гг. Таким образом можно предположить, что все казненные евреи были коммунистами.

В основе всех обвинений лежало убеждение, что евреи были против эстонского государства и эстонского народа. Короче, евреи предали Эстонию! Если это невозможно было доказать, евреев клеймили за враждебность к новому режиму. Если и это не подтверждалось, уголовным преступлением автоматически становилось само еврейское происхождение. Или эстонская полиция безопасности должна была бы, в конце концов, выпустить таких людей, как Элиас Элиан. После провозглашения приказа об аресте всех евреев-мужчин, Элиан 15 сентября сдался полиции в Таллинне. Он пытался убедить полицейского 4-го отделения, что из-за своего преклонного возраста он не мог присоединиться к какой-либо коммунистической организации, если бы даже и хотел. И все же постановление гласило: «Элиан признал, что он еврей, что является угрозой новому режиму». Удивительно, но в следственных делах полиции нет следов расовой идеологии. Эфраим Олей был единственным человеком, которого отправили в тюрьму как «не арийца, еврея».

Ссылки на первоисточники смотри в английском тексте (М.Р.)